

А.И. Голотина
Уральский государственный педагогический университет

«НЕМЕЦКИЙ» ОБРАЗ ВАТЕРЛОО В КОНТЕКСТЕ ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ 1870–1871 ГГ.

Анализируя немецкую прессу и литературу, автор пытается проследить, как в Германии менялось восприятие Второй империи во Франции и ее императора в контексте прямого военного столкновения. В качестве примера, на основе которого прослеживается данная трансформация, автор выбрал сражение при Ватерлоо – событие «совместной» истории, по-разному интерпретируемое французской и немецкой сторонами. Обращение к этому событию прошлого, по мнению автора, стало важной составляющей меняющегося немецкого взгляда на своего западного соседа. Ключевым событием в рамках этой трансформации взглядов стала франко-германская война 1870–1871 гг., когда обращение к Ватерлоо стало для немецкой исторической памяти повсеместным явлением. Схожие изменения произошли и при обращении немцев к ключевой фигуре тех событий – Наполеону III. Автор анализирует то, как от опасений перед повторением событий прошлого немцы перешли к насмешкам над этим прошлым, а символическую связь между эпохами использовали для легитимизации собственных политических действий.

Ватерлоо, Наполеон III, франко-германская война 1870–1871 гг., Вторая империя во Франции, историческая память.

Битва при Ватерлоо 18 июня 1815 г. символическим образом завершила наполеоновскую эпоху. Несмотря на то что после этой даты происходил еще целый ряд небольших военных столкновений, а сам французский император не канул в одночасье в небытие, это сражение поставило точку в этом длинном периоде истории. Тем интереснее то, что, помимо своеобразного «обобщения» конца наполеоновской эпохи в одном дне, в повседневном сознании происходит другое обобщение. Вспоминая о Ватерлоо, мы чаще всего имеем в виду «английскую» победу или «французское» поражение, несмотря на то, что подавляющую часть союзной армии составляли войска различных немецких государств.

Ватерлоо за пределами Германии редко мыслится в качестве «немецкой» победы, в то время как в самой стране еще в XIX в. сложилось несколько вариантов этого образа. Существовало «общенемецкое» Ватерлоо, ставившее это сражение в один символический ряд с Лейпцигом. Эта процедура позволяла представить эти две битвы в качестве важных вех в символической немецкой войне с французским неприятелем. Существовало «прусское» сражение Бель-Альянс, на первый план выдвигавшее фигуру командующего прусскими войсками – Гербхарда Леберехта фон Блюхера. В других же немецких землях, чьи военные контингенты также принимали участие в сражении, схожим образом возникли свои образы Ватерлоо – «ганноверское», «брауншвейгское» и др. Помимо этих разнообразных вариантов образа существовало и «Ватерлоо – потерянная возможность», особенно характерное для либерально настроенных политиков и интеллектуалов 30–40 гг. XIX в. В этом случае Ватерлоо становилось символической парой для Венского

конгресса и ассоциировалось с наступлением эпохи реакции.

Все эти варианты «Ватерлоо» так или иначе были связаны с политическими процессами в немецких государствах. Иногда, как в случае с Пруссией, победа при Ватерлоо становилась одной из основ для притязания на политическое главенство. «По своему значению Ватерлоо не могло сравниться в германской национальной памяти с Лейпцигом» [1, с. 36], – справедливо отмечает один из крупнейших исследователей этой эпохи Алан Форрест. Ватерлоо всегда стояло рядом с Лейпцигом, но после него. Однако отдельные события немецкой истории актуализировали память о Ватерлоо.

Одним из таких событий стала война 1870–1871 гг., которую мы вслед за рядом современных авторов будем называть франко-германской. Этот военный конфликт, его предпосылки, причины и последствия не раз становились предметом изучения историков. Сложные взаимоотношения Второй империи во Франции и немецких государств в 50–70 гг. XIX в. рассматривались как в контексте изучения военных действий¹ и истории дипломатии, так и в рамках исторической памяти².

¹ Из изданных только на русском языке публикаций см., например: Ховард, М. Франко-прусская война / М. Ховард. – Москва : Центрполиграф, 2020. – 543 с.; Бодров, А.В., Власов, Н.А. Железо и кровь. Франко-германская война / А.В. Бодров, Н.А. Власов. – Санкт-Петербург : Евразия, 2019. – 544 с.

² В качестве примера мы можем привести сборник статей «Политические церемонии в Германской империи 1871–1918 гг.», в рамках которой к коммеморативным мероприятиям, связанным с Седаном, обратилась немецкий историк Уте Шнайдер. См. подробнее: Schneider, U. Nationalfeste ohne politisches Zeremoniell? / U. Schneider // Das politische Zeremoniell im Deutschen Kaiserreich 1871–1918 :

Обращались историки и к вопросу преемственности между эпохой Первой империи во Франции и Второй империей. Новое государство во многом черпало легитимность в использовании памяти о Наполеоне I. Для немецкой памяти об этом конфликте обращение к предыдущим историческим событиям в качестве параллели с актуальным настоящим также было характерно. В данном случае Ватерлоо являлось важной частью Освободительной войны 1813–1815 гг. немецкого народа против французских захватчиков. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что это сражение стало одним из исторических примеров, через призму которого жители немецких государств в начале 70-х гг. XIX в. рассматривали своих западных соседей/врагов.

Целью данной статьи является решение вопроса о том, насколько на немецкое восприятие Франции и ее императора Наполеона III – главного участника франко-германской войны – влияла память о Ватерлоо.

Мы можем отметить, что образ Ватерлоо влиял на немецкое восприятие западного соседа не только во время войны. С того момента, когда в конце 1852 г. президент Французской республики Луи Наполеон объявил себя императором Франции Наполеоном III, Ватерлоо регулярно появлялось на страницах книг немецких авторов и в германской прессе.

«Он [Наполеон III] хотел бы, чтобы его считали соучастником несчастных событий, пережитых французской армией после поражений при Лейпциге и Ватерлоо» [46, s. 32], – писал в 1852 г. один из немецких авторов, отмечая, что сам французский император споспешествовал установлению этих связей.

Интеллектуалы и писатели из разных германских государств замечали, что Наполеон III помнил о проигрышах своего знаменитого дяди и был своеобразным символом надежды на реванш [15, s. 5–6; 18, s. 31–32; 37, s. 24]. «Нет сомнений, что Наполеон принес с собой на престол далеко идущие и амбициозные планы, а именно – стать реставратором Первой империи и мстителем за Ватерлоо» [28, s. 19]. И этот реванш, который «в качестве мести за Ватерлоо» [43, s. 19] должен был пасть на Германию, воспринимался немецкой публикой как опасная тенденция еще с конца 1850-х гг. Опасения усилились в 1859 г., когда разразилась австро-итало-французская война [55].

Особую тревогу испытывали прусские и пропрусские авторы, видевшие в Пруссии государство, чьей задачей было «противостоять дальнейшей экспансии Франции, а не служить ей» [54, s. 49]. Этот страх перед реваншизмом французов и их стремлением вернуть Францию к «естественным» границам по Рейну актуализировали память о тех территориях, которые уже были утрачены в ходе французской экспансии и

не были возвращены после Ватерлоо. Эльзас и Лотарингия – ключ к Рейну, были немецкими землями, оставшимися под французским господством. «Возвращение украденных провинций сделало бы Германию навсегда неуязвимой, но эта возможность не была реализована» [5, s. XI].

В рамках нарастающей «угрозы» немецкому обществу было сложно игнорировать то, что немцы понимали под французским взглядом на Ватерлоо. Общую характеристику этого «французского» образа в представлении немцев хорошо описал уже спустя несколько десятилетий после войны немецкий писатель и журналист Карл Хиллебранд: «Только совпадением было то, что Франция потерпела поражение при Трафальгаре и Ватерлоо» [25, s. 202]. Наполеон III воспринимался как реваншист, поэтому все его действия истолковывались немецким обществом в неблагоприятном для Германии ключе. Немецкое общественное сознание перед франко-германской войной было пропитано ощущением тревоги: «Если и позволительно по этому поводу суждение, так это такое, согласно которому его [Наполеона III] план состоял в том, чтобы унижить одного за другим победителей при Лейпциге и Ватерлоо» [14, s. 21]. Внешнеполитическая ситуация в Европе складывалась так, что эти опасения находили постоянное подтверждение в действиях французского императора. Немцы опасались, что после поражения России в Крымской войне и Австрии в австро-итало-французской войне настанет очередь Германии (и, прежде всего, Пруссии) испытать на себе всю тяжесть французского реванша.

Так, немецкий корреспондент Ганс Вахенхаузен, в конце 1860-х гг. живший и работавший в Париже, писал в 1869 г.: «Французские газеты уже начинают раскапывать славу, похороненную при Ватерлоо, чтобы развлекать народ длинными историями времен оккупации Германии и рассказывать им самые восхитительные сказки о простоте немцев» [57, s. 117].

Когда война началась, образ Ватерлоо с новой силой актуализировался в немецком общественном сознании. «В начале новой войны воспоминания о тех великих днях борьбы за свободу против Наполеона I часто появлялись в лирических и эпических песнях» [34, s. 70].

С улыбкой потирая окровавленные руки,
Свой гнев против Германии направив,
Реванша ищет он за Лейпциг и за Ватерлоо,
Послав бесчисленную армию свою
К высоким Рейна берегам с могучим ревом
[7, s. 13],

– писал один из немецких поэтов в стихах, датированных 12 июля 1870 г. Начало войны породило широкую волну патриотических произведений, в которых происходили многочисленные обращения к памяти о победе при Ватерлоо [13; 47; 53]. На проповеди, произнесенной в начале августа в Беройте призывы к сплочению всех немцев сопровождалось такими словами: «Прошло уже пятьдесят семь лет, и сегодня вновь разгорелась борьба против корсиканца, козунственной рукой швырнувшего в нас военный факел, чтобы отомстить за Лейпциг и Ватерлоо» [33, s. 6].

[... Konferenz vom 16. bis 18. Februar 2006 am Institut für Soziale Bewegungen der Ruhr-Universität Bochum] / K. Tenfelde (Hrsg.). – Düsseldorf : Droste, 2008. – S. 163–180. На русском языке можно отметить монографию Бодрова А.В. «Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы», в которой автор подробно описывает послевоенный период развития отношений двух стран. См., подробнее: Бодров, А.В. Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы / А.В. Бодров. – Санкт-Петербург, 2011. – 376 с.

В самой Германии воспоминания о Лейпциге и Ватерлоо были подняты на символический щит, чтобы сплотить вокруг Пруссии все немецкие земли в национальной борьбе против врага. Память о победах должна была воодушевлять сыновей и внуков ветеранов Освободительной войны [45, s. 19]. Новая же война воспринималась как естественный ответ галльскому смутьяну и той открытой дерзости, которую он проявлял [42, s. 45]. Поражение французов при Ватерлоо и их неумение смириться с ним в этом контексте становилось одной из главных причин новой войны как в трудах историков и писателей [23, s. 6; 10, s. 55; 39, s. 5], так и в воспоминаниях непосредственных участников военных действий [38, s. 32].

В немецкой литературе французский «реванш за Ватерлоо» приобрел гипертрофированный характер, доводя эту символическую месть до абсурда. Порой эта месть принимала пугающие формы. Даже спустя 25 лет после войны в немецких произведениях, посвященных войне, фигурировал рассказ о карикатуре в «Шаривари», на которой зуав выкалывал глаза прусскому солдату со словами: «Один за Ватерлоо, другой за Садову». Подобные истории вызывали скорее ужас и негодование, нежели смех [32, s. 51].

Книги по истории франко-германской войны полнились рассуждениями о том времени, «когда на митингах политических партий во Франции за традиционными дикими криками “месть за Ватерлоо” следовали безумные крики “месть за Садову”» [9, s. 6]. Попытки связать Ватерлоо и Садову, где французские войска не участвовали, но итоги которой воспринимали как национальное оскорбление, рисовали перед немецкой публикой гротескный образ французов³. Французские же попытки «наказать Пруссию за ее дерзость в желании встать рядом с Францией и устроить дела Германии в свою пользу» [61, s. 3] в свете проигранной войны выглядели еще одним поводом для насмешки. Последовательной критике подвергалось французское отношение к памяти о Ватерлоо: «Им [художникам] не разрешалось говорить о Лейпциге и Ватерлоо, которые по понятным причинам отсутствовали на батальных картинах, посвященных истории Первой империи. Если они осмеливались это сделать, то эти поражения немедленно замалчивались одним словом: “измена”» [11, s. 94; 22, s. 107].

С новой силой франко-германская война актуализировала и вопрос о «несправедливости» европейского мироустройства в постнаполеоновскую эпоху. Так, в выпущенном в 1870 г. третьем издании книги «Эльзас и Лотарингия» немецкого историка и политика Вильгельма Адольфа Шмидта появилась глава, посвященная 1815 г. и его неутешительным для немцев последствиям. Главную мысль автора можно свести к следующей фразе: «Немецкий меч восторжествовал, немецкое перо проиграло» [48, s. 69]. Там, где немецкие армии одержали победу и свергли Наполеона,

немецкие дипломаты из-за противодействия других стран и собственной нерешительности не смогли воспользоваться плодами этих побед [26, s. 46]. Эти публикации подогревали интерес публики и оправдывали немецкие территориальные приращения по итогам выигранной войны. Так, например, Наполеон I был назван грабителем, добыча которого после Лейпцига и Ватерлоо была конфискована. «К сожалению, в то время мы оставили французам все ранее украденные у нас земли – немецкий Эльзас и Лотарингию» [29, s. 2], писал немецкий автор, обосновывая необходимость вернуть украденное.

Война изменила и отношение к Наполеону III. Особенно резкие трансформации произошли после битвы при Седане. Галльский смутьян, на протяжении нескольких десятилетий вызывавший тревогу в немецком обществе, был взят в плен. «Как будто ему [Наполеону III] не хватило собственных страданий. Перед его душой должен теперь предстать образ гордого основателя их императорского дома – Наполеона I. Он [Наполеон I] также закончил свою карьеру в заброшенности и в нищете, хотя она так славно начиналась и должна была длиться так долго...» [11, s. 148]. Наполеон I сравнивался с Наполеоном III и поражения последнего, особенно битву при Седане, немецкая общественность сравнивала с поражениями первого французского императора [19, s. 74–75; 44, s. 12]. Седан племянника символическим образом повторял Ватерлоо его дяди. «Слава его [Наполеона III] имени ушла навсегда, даже друзья убеждали его уйти в отставку» [60, s. 1], описывала битву при Ватерлоо одна из газетных статей. Эти слова с таким же успехом можно было отнести как к судьбе первого, так и последнего французского императора.

С окончанием войны связь между судьбой дяди и племянника Бонапартов не была забыта:

Лишь только свою жизнь тираны уважают:

Так думал ты, и в тоже время

Так думал псевдодядя твой, стоя пред Ватерлоо.

[21, s. 21]

Даже спустя почти 20 лет, когда в 1889 г. в свет вышла книга «Падение Наполеона III» Фридриха Вильгельма Вагенера, «месть за Ватерлоо», Седан и печальная судьба последнего французского императора продолжали быть общим местом немецкой памяти. Автор одного из сочинений, посвященных поражению Наполеона III, вложил в его уста следующие слова: «Я считал раздор судьбой Германии и предался надежде, что смогу утопить позор Ватерлоо в отвоеванном Рейне» [59, s. 109]. Символическая связь прослеживалась и в образном значении обеих битв. «Если в конце кампании Бель-Альянс [Ватерлоо] нам пришлось довольствоваться лишь тем, что мы сделали шаг вперед к единству, то вторая Освободительная война продвинула нас гораздо дальше» [27, s. 872].

На протяжении следующих лет в немецком обществе продолжалась рефлексия об итогах войны 1870–1871 гг., что также оказывало влияние на образ Ватерлоо, так тесно связанный с этим конфликтом. К проигравшим французам, раз из раза доверявшим свою судьбу не тем правителям, некоторые немецкие

³ Даже спустя несколько десятилетий насмешки над неумным реваншизмом французов были постоянным местом в немецком общественном сознании: «Детское тщеславие наших умных западных соседей не могло вынести того, что кто-то воевал без них. Они требовали реванша за Садову, как и прежде при Ватерлоо, хотя там были побеждены совсем другие люди!». Цит. по: Dahn, F. Zum 80. Geburtstag des Fürsten Bismarck / F. Dahn. – Breslau, 1895. – S. 33.

писатели проявляли жалось, ведь «падение узурпатора должно было стать падением нации, потому что интересы нации были объединены с интересами павшей династии» [58, s. 8].

Однако подавляющая часть немецких авторов была солидарна в том, что ответственность за разжигание ненависти и искажение исторических фактов лежит на французских историках и писателях, учебниках и газетах [31, s. 9; 62, s. 4], то есть на всем французском обществе. Даже спустя десятилетия после окончания войны для немецких представлений о французских настроениях этой эпохи были характерны высказывания, подобные следующему: «Раздавались голоса, указывающие на границы по Рейну, которые Франция потеряла только из-за предательства после Ватерлоо» [12, s. 308].

Спустя несколько десятков лет, рефлексирова о периоде этой войны, известный немецкий публицист Карл Бляйбтрой описывал отдельные эпизоды этого конфликта с помощью образов эпохи Наполеона: «...здесь [в Мальмезоне] внуки Блюхера снова маршируют тем же победным маршем. То, что тогда называлось Ватерлоо, теперь называется Седан» [6, s. 13–14]. Писатель Адольф Эбелинг был еще более конкретен, когда писал о последнем французском императоре: «Он тоже пошел навстречу своему Ватерлоо» [12, s. 374].

Параллельно с этим, посредством приобщения к славному прошлому предков, происходила героизация участников войны. После войны в Германии появилось множество литературных произведений, описывавших подвиги немецких солдат и офицеров. Например, в книге немецкого писателя Р. Лауксмана среди множества других примеров был рассказ о молодом лейтенанте, который вступил в схватку с двумя огромными французами. Автор описывал этот подвиг следующими словами: «Кровь его отцов, сражавшихся при Лейпциге и Ватерлоо, была в прусском мальчике, который скорее умер бы, чем сдался» [35, s. 47]. При описании прусских войск авторы не забывали упомянуть, что это были войска, одержавшие победу при Ватерлоо и вошедшие в Париж [16, s. 82]. Особенно хорошо эти сравнения работали на контрасте с австрийской армией, разбитой при Садовой и не имевшей возможности похвастаться взятием Парижа⁴. Подобные параллели легитимизовали главенствующее место Пруссии в Германской империи.

В этом контексте не кажется случайным совпадением, что празднование окончания войны в Берлине состоялось 16–17 июня 1871 г. – в канун годовщины битвы при Ватерлоо [4, s. 2–3; 8, s. 1; 30, s. 1; 40, s. 1–3; 49, s. 1; 50, s. 3]. Шествие немецких армий 16 июня началось от Темпельхофер-Фельде по двум улицам, связанным с прусскими победами – Бель-Альянс и Кёниггрец [22, s. 179–180]. 18 июня, в годовщину Ватерлоо/Бель-Альянс, во всех церквях Берлина и всех городов Германии прошел благодарственный молебен [41, s. 1; 51, s. 1].

Некоторые исторические параллели и взаимосвязи вели еще дальше в прошлое. Так, в 1875 г. в Пруссии 60-я годовщина битвы при Ватерлоо признавалась как «особенно важный день памяти для ведущей державы Германского рейха» [17, s. 2]. Это не помешало авторам данной газетной заметки предложением ниже сосредоточить свое внимание на двухсотлетнем юбилее битвы при Фёрбеллине – «первой независимой победе над европейской державой» [20, s. 566]. Интересно, что в перечне праздничных дат упоминание этого сражения, состоявшегося в 1675 г. во время Голландской войны, занимало гораздо больше места, чем упоминание Ватерлоо [3, s. 2; 24, s. 1; 36, s. 5; 52, s. 194; 56, s. 1]. Более круглый 200-летний юбилей явно заслонял собой более мелкий.

Впрочем, если иногда один юбилей и вытеснял из общественного сознания другой [2, s. 1], исторические связи все равно сохранялись, создавая длинные цепочки символически взаимосвязанных событий. Так, во время битвы при Фёрбеллине, было посеяно семя возрождения Германии. Это семя лишь укрепилось после 18 июня 1815 г., когда «власть Наполеона при Ватерлоо окончательно пошла на убыль» (Там же). Завершилась эта символическая связь важных вех истории Гогенцоллернов 18 января 1871 г. в Версале, когда посаженное семя возрождения страны «распустилось самым прекрасным цветком» (Там же).

Обращаясь к эпохе 1850–1870 гг., мы можем видеть, что немецкое восприятие Франции и французов периода Второй империи начиная с 1850-х гг. накладывалось на прошлый исторический опыт – память о наполеоновских войнах. По мере того как менялась политическая ситуация, это восприятие проходило целый ряд трансформаций. В этом контексте Ватерлоо выступало своеобразным примером для сравнения: раз из раза обращаясь к нему, немцы находили в своем соседе и его действиях новые смыслы. От смутных подозрений в 50-х гг. и уверенных опасений 60-х гг. жители немецких государств перешли к насмешкам и ликованию после победы в войне.

Ключевым событием, изменившим отношение одного народа к другому, стала война 1870–1871 гг. Западный сосед из неясной, но постоянной угрозы превратился в народ, не умеющий смириться с прошлым, и от того нелепый. Еще большая трансформация произошла в восприятии немцами Наполеона III. Он был и оставался племянником своего великого дяди. Однако, если изначально это вызывало у немцев страх, то после Седана сравнение двух этих фигур вызывало скорее радость и рассуждения о превратности судьбы.

Мы можем наблюдать и то, как это обращение к памяти о прошлом, актуализировавшееся с помощью побед настоящего, стало одной из основ для легитимизации нового немецкого государства. Пруссия с помощью символической череды побед от Лейпцига и Ватерлоо к Седану утверждала свое главенствующее положение в Германской империи. В то же время политические деятели Германской империи при поддержке интеллектуалов с помощью ревизии итогов Ватерлоо устраняли «историческую несправедливость», связанную с Эльзасом и Лотарингией. Франции же в этом контексте отводилась роль проиграв-

⁴ Необходимо отметить, что австрийский взгляд на роль Пруссии в сражении также не был хвалебным. См. например: Gentz, F. von Österreichs Teilnahme an den Befreiungskriegen: ein Beitrag zur Geschichte der Jahre 1813 bis 1815 / F. von Gentz. – Wien, 1887. – S. 641–648.

шего, переставшего быть опасным и от того ставшего смешным.

Литература и источники

1. Форрест, А. Контрасты памяти об одном сражении: Ватерлоо, 1815 г. / А. Форрест // Уральский исторический вестник. – 2019. – № 2 (63). – С. 31–40.
2. Augsburger Postzeitung. – 1875. – 21 Jun. (№ 143). – S. 1.
3. Berliner Börsen-Zeitung. – 1875. – 18 Jun. (№ 277). – S. 2.
4. Berliner Gerichts-Zeitung. – 1871. – 17 Jun. (№ 69). – S. 2–3.
5. Biffart, M. Das Kriegstheater am oberen Rhein und der oberen Donau / M. Biffart. – Berlin : Druck und Verlag von E.S. Mittler und Sohn, 1861. – 153 s.
6. Bleibtreu, C. Paris 1870–1871 / C. Bleibtreu. – Stuttgart : Verlag von Carl Krabbe, 1898. – 196 s.
7. Bodenstedt, F. Zeitgedichte / F. Bodenstedt. – Berlin : Franz Lipperheide, 1870. – 36 s.
8. Breslauer Zeitung. – 1871. – 17 Jun. (№ 278). – S. 1.
9. Dietzel, C. Straßburg als deutsche Reichsuniversität und die Neugestaltung des juristischen und staatswissenschaftlichen Studiums / C. Dietzel. – Frankfurt am Main : J. D. Sauerländers Verlag, 1871. – 172 s.
10. Doehn, R. Der Bonapartismus und der deutsch-französische Konflikt vom Jahre 1870 / R. Doehn. – Leipzig : Verlag von Otto Wigand, 1870. – 76 s.
11. Ebeling, A. Kaleidoskop aus dem Kriegsjahr 1870 / A. Ebeling. – Köln : Verlag von A. Bäcker, 1871. – 272 s.
12. Ebeling, A. Napoleon III und sein Hof: Denkwürdigkeiten, Erlebnisse und Erinnerungen aus der Zeit des zweiten französischen Kaiserreichs 1851–1870. Zweite Band / A. Ebeling. – Köln und Leipzig : Druck und Verlag von Albert Ahn, 1891. – 384 s.
13. Fastenrath, J. Den deutschen Helden von 1870. Kriegs- und Siegeslieder. 6. verm. Aufl. / J. Fastenrath. – Köln und Leipzig : Verlag von Eduard Heinrich Mayer, 1871. – 175 s.
14. Fetzer, C. A. Über die Stellung und Aufgabe der National Demokratie in Württemberg / C. A. Fetzer. – Stuttgart : Verlag der J. B. Metzler'schen Buchhandlung, 1868. – 56 s.
15. Fischel, E. Preußens Aufgabe in Deutschland: Rechtsstaat wider Revolution / E. Fischel. – Berlin : Haupt- und Spener'sche Buchhandlung, 1859. – 114 s.
16. Fontane, Th. Der Krieg gegen das Kaiserreich / Th. Fontane. – Berlin : Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuhdrucherei, 1873. – 854 s.
17. Frankenberger Nachrichtenblatt und Bezirksanzeiger. – 1875. – 19 Jun. (№ 72). – S. 2.
18. Frantz, C. Quid faciamus nos? / C. Frantz. – Berlin : Ferdinand Schneider, 1858. – 108 s.
19. Frenzel, K. Deutsche Kämpfe / K. Frenzel. – Hannover : Carl Rümpler, 1873. – 460 s.
20. Fürter neueste Nachrichten für Stadt und Land. – 1875. – 20 Jun. (№ 144). – S. 566.
21. Gätschenberger, S. Das Jahr der Vergeltung: als Antwort auf Victor Hugo's "Schreckliches Jahr" / S. Gätschenberger. – Würzburg : Verlag von S. Gätschenberger, 1873. – 62 s.
22. Grimm, A.Th. von Vaterländische Erinnerungen & Betrachtungen über den Krieg von 1870–71 / A.Th. von Grimm. – Berlin : Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuhdrucherei, 1871. – 181 s.
23. Grube, A.W. "Der" welsche Nachbar: Lebensbilder aus dem großen Kriege von 1870–71 / A.W. Grube. – Stuttgart : J. F. Steinkopf, 1871. – 134 s.
24. Hannoverischer Courier. Abend-Ausgabe. – 1875. – 18 Jun. (№ 7341). – S. 1.
25. Hillebrand, K. Zeiten, Völker und Menschen. Erste Band. 4 Aufl. / K. Hillebrand. – Straßburg : Verlag von Karl v. Trübner, 1898. – 462 s.
26. Hirsch, F. Vom deutschen Elsass: Briefe an einen Freund / F. Hirsch. – Leipzig : Verlag von A.H. Payne, 1870. – 54 s.
27. Im neuen Reich: Wochenschrift für das Leben des deutschen Volkes in Staat, Wissenschaft und Kunst. – 1875. – 25 Mai. – S. 872.
28. Jürgens, K. Deutschland im französisch-sardinischen Kriege: vom Pariser Kongress 1856 / K. Jürgens. – Basel : Schweighauser'sche Sortiments-Buchhandlung, 1859. – 608 s.
29. König, R. Der große Krieg gegen Frankreich im Jahre 1870–1871 / R. König. – Bielefeld und Leipzig : Verlag von Velhagen & Klasing, 1872. – 488 s.
30. Königsberget Hartung'sche Zeitung. – 1871. – 18 Jun. (№ 140). – S. 1.
31. Kopp, W. Der Krieg Kaiser Wilhelms 1870–1871 / W. Kopp. – Berlin : Verlag von G. van Muyden, 1892. – 214.
32. Koschwitz, E. Französische Volksstimmungen während des Krieges 1870/71 / E. Koschwitz. – Heilbronn : Verlag von Eugen Salzer, 1894. – 132 s.
33. Kraussold, L. Herr! hilf deinem Volk und segne dein Erbe! / L. Kraussold. – Bayreuth : Gedruckt bei Th. Burger, 1870. – 16 s.
34. Küsel, E. Volkslied und Drama von 1870–71: vier Vorträge / E. Küsel. – Gumbinnen : C. Sterzel's Buchhandlung, 1882. – 173 s.
35. Lauxmann, R. Gedenkblätter aus dem Heldenkampfe Deutschlands mit Frankreich 1870 und 1871. Dritte Band / R. Lauxmann. – Heilbronn : Albert Scheurlen's Verlag, 1873. – 224 s.
36. Leipziger Tageblatt und Anzeiger. – 1875. – 18 Jun. (№ 169). – S. 5.
37. Leue, F. G. Preußen und Österreich gegen Frankreich. Zweite Auflage / F. G. Leue. – Leipzig : Verlag von Eduard Heinrich Mayer, 1859. – 35 s.
38. Liebmann, O. Vier Monate vor Paris, 1870–1871: Belagerungstagebuch eines Kampagne-Freiwilligen im K. Pr. Garde-Füsiliere-Regiment / O. Liebmann. – Stuttgart : Verlag von Gustav Weise, 1871. – 174 s.
39. Menger, R. Geschichte des deutschen Krieges von 1870 wider den Erbfeind / R. Menger. – Berlin : H. Ebeling & E. Plahn, 1870. – 328 s.
40. National-Zeitung. – 1871. – 17 Jun. (№ 278). – S. 1–3.
41. National-Zeitung. – 1871. – 18 Jun. (№ 279). – S. 1.
42. Ölsner, Th. Der Siegeszug der deutschen Idee: Blicke von dem Äußeren auf das Innere / Th. Ölsner. – Berlin, 1870. – 50 s.
43. Pernice, H. V. A. Preußen, der Bund und der Frieden / H. V. A. Pernice. – Hannover : Schmorl und von Seefeld, 1859. – 20 s.
44. Polhammer, A. Ein Gedenkblatt für die bayerischen Krieger: Rede bei dem Veteranenfeste in der Pfarrkirche zu Pfarrkirchen am 19. Juni 1871 / A. Polhammer. – Pfarrkirchen : Kambli, 1871. – 23 s.
45. Remy, M. Der deutschen Heldenkampf im Jahre 1870 in Wort und Lied / M. Remy. – Berlin : Verlag von Julius Klönne, 1870. – 460 s.
46. Rochau, A. L. von Vier Wochen französischer Geschichte: 1. December 1851 – 1. Januar 1852 / A. L. von Rochau. – Leipzig : Avenarius und Mendelsohn, 1852. – 166 s.
47. Sammlung der deutschen Kriegs- und Volkslieder des Jahres 1870 / Hrsg. E. Wachsmann. – Berlin : Verlag von Liebheit & Thiesen in Berlin, 1870. – 502 s.
48. Schmidt, W. A. Elsass und Lothringen ... Dritte vermehrte Auflage / W. A. Schmidt. – Leipzig : Verlag von Veit & Comp., 1870. – 84 s.
49. Staatsbürger-Zeitung. – 1871. – 16 Jun. (№ 167). – S. 1.

50. Staatsbürger-Zeitung. – 1871. – 17 Jun. (№ 168). – S. 3.
51. Staatsbürger-Zeitung. – 1871. – 18 Jun. (№ 169). – S. 1.
52. Teltower Kreisblatt. – 1875. – 19 Jun. (№ 49). – S. 194.
53. Trebitz, K. Trutznachtigall: Sammlung deutscher Lieder gesungen im deutschen Kriege / K. Trebitz. – Jena : Verlag von Carl Doebereiner, 1870. – 318 s.
54. Twesten, K. Was uns noch retten kann: ein Wort ohne Umschweife / K. Twesten. – Berlin : Verlag von J. Guttentag, 1861. – 88 s.
55. Venedey, J. Der italienische Krieg und die deutsche Volkspolitik: an Preußens Volk / J. Venedey. – Hannover : Druck und Verlag von Wilh. Riemschneider, 1859. – 29 s.
56. Vossische Zeitung. – 1875. – 18 Jun. – S. 1.
57. Wachenhusen, H. Irrlichter: Glossen zu Tagestexten / H. Wachenhusen. – Berlin : Hansfreund-Expedition, 1869. – 119 s.
58. Wachenhusen, H. Vom neuen Babylon: Pariser Skizzen / H. Wachenhusen. – Berlin : Hausfreund-Expedition, 1872. – 251 s.
59. Wagener, H. Der Niedergang Napoleons III / H. Wagener. – Berlin : Verlag von George & Fiedler, 1889. – 198 s.
60. Wochenblatt für das christliche Volk. – 1870. – 20 Nov. (№ 47). – S. 1.
61. Zehlicke, A. Von Weissenburg bis Paris: Kriegs- und Siegeszug der deutschen Heere in Frankreich 1870 – 1871 / A. Zehlicke. – Breslau : Verlag von Wilh. Gottl. Korn, 1871. – 464 s.
62. Zimmermann, W. Deutschlands Heldenkampf, 1870–1871 / W. Zimmermann. – Stuttgart : Verlag von G. Weise, 1873. – 420 s.

A.I. Golotina

A “GERMAN” IMAGE OF WATERLOO IN THE CONTEXT OF THE FRANCO-GERMAN WAR OF 1870–1871

Analyzing German press and literature, the author reveals how the perception of the Second Empire in France and its emperor changed in Germany in the context of the direct military clash. As a case study to trace this transformation, the author chose the Battle of Waterloo, an event of shared history interpreted differently by the French and German sides. In the author's view, turning to this past event was an important component in changing the German view of the western neighbour. A key event within this transformation of views was the Franco-German War of 1870–1871, when the invocation of Waterloo became a ubiquitous phenomenon in German historical memory. Similar changes occurred in the Germans' treatment of the key figure of those events, Napoleon III. The author analyses how the Germans shifted from fearing the repetition of the past events to mocking the past, and used the symbolic link between the eras to legitimise their own political actions.

Waterloo, Napoleon III, Franco-German War 1870–1871, Second Empire, historical memory.